

Дмитрий ЕРМАКОВ

г. Вологда

*...Тиха озёрная гладь, отражаются
в ней синее небо да белые облака.
Ежели с северного конца озера, где втекает
в него река Порозобица, смотреть,
то южного, где вытекает из него река Сухона,
никак не увидишь — семьдесят вёрст будет.
А вот от западного до восточного берега —
в самом широком месте всего-то двенадцать
вёрст, такое вот озеро — как перо птицы
или же как рыба щука.*

Кубенское озеро.

*И река в него с востока Кубена впадает.
В семи верстах от устья Кубены, в синем озере,
будто пуп земной — остров каменный. Посреди
путей водных остров тот: с Новгорода ли идти
на Белоозеро и далее волоком — в Порозобицу,
а затем — Кубенским озером и Сухоней —
встречь Солнцу, на Урал-Камень;
из ярославских ли или же московских земель
волоком лежским в Лежу, Сухону,
опять же в Кубенское озеро
и дальше на север — островок этот не минуешь.
А и почто миновать: здесь лодиям и вёслам —
отдых, и людям — отдохновение.*

*С давних времён на острове волхвы служили,
не угасал огонь на огромном камне у ног Велесовых.*

*Пришло время — идола в воду скинули,
Крест воздвигли, а потом и церковь
в честь Спаса Всемилостивого
и Его Преображения, камень,
на котором когда-то огонь горел,
в основание церкви установили.*

Так и стал Спас-Камень.

*Со временем и монастырь
на острове образовался.*

*А по берегам озера — деревни да сёла, церкви
да монастыри, рыбацкие тони
да крестьянские пашни,
леса дремучие да луга разнотравные.*

*И синий купол небес
в синем озере отражённый.*

Весь мир Божий!..

1

День отстоял вёдренный. Вернувшись с ближнего сенокоса, многие жители Бережка и соседней Пучки спускали на воду лодки, спешили на свои путины проверить сети. Ибо два поля у Кубенозера: поле на берегу и поле в озере, и каждое обработать надо, урожай снять...

Спустили лодию на воду Иван Строгалеv и сын его Никита. Четырнадцатое лето в жизни Никиты идёт, и он уже выправляется в крепкого парня, такой же коренастый и широкоплечий, как и отец, и волосы у обоих тёмно-русые, «под горшок» стриженные. Только Иван — с бородой, уже седина подбитой, а у Никиты над верхней губой лишь пушок тёмный обозначился. И одеты одинаково — в подпоясанных белых полотняных рубахах, в портках, в крепких лаптях с онучами, на головах — валяные шапки. Ещё и армяк кинул на дно лодки Иван: может сгодиться — в озере любой ветерок холодит, не дай бог — поясицу продует...

И вот уже позади деревня их Бережок и Пучка (она же и Покровское). Деревня и село стоят напротив друг друга по берегам речки Пучки, шустро вбегающей в озеро.

Удаляется крест на луковке родной Покровской церкви, приближается крест над Спас-Камнем.

Справа и слева от них тоже плывут рыбаки — кто на вёслах, как Строгалеvы, а кто и парус распустил.

Хоть на воде границу не проведёшь, но каждое село, деревня, каждая семья свою путину знает и границу не нарушает — спокон веку так.

Строгалеvы обходят Спас-Камень слева... Видно, как с севера, по самой середине озера, по глубине, приближаются три пока ещё точки, но уже ясно, что больших ладьи — может, купцы с Белоозера, а то и из самого Новгорода...

Стали проверять сеть.

— Но-но, держи, Никитка, — незлобиво приговаривал Иван, и сын изо всех сил старался держать лодку ровно, подгребая то одним, то другим веслом, чтобы удобно было отцу выбирать рыбу...

— Нельма-матушка! — восклицает Иван, вытаскивая рыбину, в лодке он наносит молниеносный удар палкой по её голове и уже снова склоняется к сети. И нет в этом никакой жестокости, а только необходимость и знание, что так устроен мир: всё в нём для человека и для Бога...

— Тятя, глянь, — Никита кивает вверх, в небо. Да Иван и сам уж видит — заволокло. И дольник подул крепкий, с севера...

— Эх, не успеем проверить. К берегу надо, Никитка. Дай-ка я, — подвинув сына, он сам садится за вёсла.

И видно, как сразу увеличилось в размерах ладьи, приблизились гонимые ветром, на них поспешно опускают паруса... Вот один вырвался из рук и, как огромный белый стяг, полетел впереди судна.

Рыбачки лодки поспешно плывут к берегу. Те, кому не успеть до шторма к своей тоне, пристают где придётся. Иван надеется, с попутным-то ветром, до большой волны укрыться в устье Пучки.

Оглянулся он на ладьи...

— Ведь на камни несёт-то их, не свернуть уж... Вон и братья на помощь поплыли. — Было видно, как от острова-монастыря отчалили и, преодолевая встречный ветер, поплыли к ладьям лёгкие лодки-долблёнки и вместительный шитик... — Да успеют ли?

— Батя, надо бы помочь, — Никита сказал, а Иван уже мощным гребком разворачивал лодку и тоже супротив ветра и волны, налегая всем весом, погрёб к терпящим бедствие ладьям... Никита, не зная, чем помочь отцу, тоже клонился вперёд и откидывался назад телом, будто грёб, смотрел зорко в озеро, а в руках вёрёвку держал, чтобы кинуть, если будет нужно, утопающему.

Иван же ещё и с тоской думал о том, что в такую бурю, скорее всего, сорвёт и унесёт их сеть...

А уже и правда буря разыгралась — волны нахлобучили белопенные шапки, ветер будто хлестал мокрыми плетями по глазам, по телам рыбаков... И всё же медленно, но верно, протыкая волны, лодка подвигалась к месту неизбежного крушения кораблей...

Князь Глеб Иванович Карголомский (из Белозерских князей) ещё в прошлом году сговорился с князем Заозерским Василием Фёдоровым

вичем о встрече. Решено было повидаться на Спас-Камне, помолиться там. Потом в сельцо Лахмокурье (оно же и Устье-Кубенское) переплыть — там поглядеть на рыбный лов, поохотиться вволю. А уж потом и в Чирково, на другой берег реки Кубены, переехать, где на горе, которую по старой памяти ещё зовут в народе Лысой, у впадения реки Кубены в Кубенское озеро стоит храм святого Димитрия Солунского, а рядом и терем княжеский. Там-то и ждёт их жена князя Заозерского — Варвара. И дочь Мария. Вот ради этой-то встречи и плывут три ладьи князя Карголомского из Белого озера, через волок, по Порозобице в Кубенское озеро. Ради той малолетней ещё княжны Марии и сын Глеба Ивановича Карголомского, тринадцатилетний Андрей, здесь же в ладье рядом с отцом.

Внезапно сгустились тучи, подул дольник с севера, натянул до звона паруса, оно бы и ничего — да не пристать на такой скорости ни к острову, ни к иному берегу. Людишки корабельные паруса спускают, веревки из рук их рвутся, режут дублёные ладони — ругань стоит, крики. Грянул гром, засверкали молнии, ливень хлынул... Увидел князь, как опрокинулась вверх дном ладья с дарами для монастыря и для будущей родни. Вот-вот и вторая ладья, в которой воют от страха охотничьи собаки и орут ополумевшие люди, перевернётся. Княжья ладья с самыми опытными ладейщиками ровно на воде держится, вот и парус спустили, и всё равно ветер сильно несёт корабль, а впереди ни зги — мокрая мгла. И ударил тут колокол-маяк...

— На камни несёт!

— В вёсла! Правее бери!..

— Страшно, батюшка, — жмётся княжич к отцу.

— Держись, сын... — прижимает князь отрока к себе, внутренне молится о спасении.

Резкий удар, треск, все валятся с ног...

— Сели на камни!

— Вон берег уже... Ничего...

— Сын где?! — громче грома крикнул князь Карголомский и кинулся к борту.

— Княжич выпал! Лодку спускайте, верёвку! Вон он!..

Бестолковица криков и суеты.

С треском садится на камни и вторая ладья с собаками и охотничьим припасом, плывут к

севшим на мель судам люди с перевернувшейся ладьи...

— Сын!.. — князь рванулся кинуться за борт, но был остановлен боярином Степаном Зубовым.

— Стой, господин мой, спасут его, стой, — обхватив, прижимая руки, не пуская, говорил он князю...

... Андрей как выпал за борт после толчка — сразу ко дну пошёл, но дно оказалось недалеко, и, оттолкнувшись ногами, княжич вынырнул. Волна захлестнула, он снова вынырнул, хватанул воздуха. Плавать он умел, и очень даже неплохо, но беда — намок и отяжелел кафтан, сапоги, полные воды, гирями тянут вниз... Стал стаскивать кафтан — снова волна накрыла, и ещё...

Тут-то и подхватил его за ворот Иван Строгалев, рывком на борт выдернул.

— Гребни, Никитка! — сыну крикнул. — Да не ёрзай ты, опрокинешь! — на спасёныша прикрикнул.

Монахи на лодках к подводным камням под-гребли, помогли выбраться тем, кто был в воде, с севших на мели судов принимали людей...

На берегу тоже встречали уже, уводили людей в кельи, в трапезную, в поварню — туда, где можно согреться и обсушиться.

Князь Глеб Иванович едва на берег ступил, к нему уж монашек бежит:

— Жив, княже, сынок твой! Живой! У отца игумена. И тебя просят пожаловать.

— Веди! — велел князь монаху.

Боярину Степану Зубову приказал глядеть, чтобы всех людей обогрели, устроили на отдых...

Гроза тем временем кончилась, только шёл ещё дождь. Успокаивалось озеро. Успокаивались и люди.

Игумен Григорий, высокий худой старик в чёрном клобуке с крестом на груди и с посохом в руке, сам вышел из покоя встретить князю.

— Благослови, отче, — склонил голову князь.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

— Батюшка! — Андрей, одетый в какой-то подрясник, из-за двери выскочил, к отцу кинулся.

— Сын! — прижал парня к себе. — Эх тебя приодели... Не по тебе монашеская одежда...

— Уж что было, Глеб Иванович, — игумен сказал.

— Да нет, ничего... Мне бы тоже обсохнуть...
Слава Богу, спас Камень!

— Камень веры спасает, княже...

Сруб храма Преображения Спаса Всемило-
тивного — на огромных камнях-валунах стоит.
И храм большой, высокий, брёвна в стенах — в
обхват толщиной, рядом с ним — звонни-
ца-колокольня. Купола серебристым тёмом
крыты... Храм старый уже, но всё ещё крепкий
и надёжный, дарами князей Белозерских и
Ярославских украшенный.

В нём-то и отстояли вечерю люди князя Кар-
голомского и спавшиеся на острове рыбаки...
И будто бы ладное монашеское пение, нето-
ропливая служба, огоньки свечей и успокоили
стихию. Утихла буря на озере, перестал ливень.
Тихий светлый вечер наступал в мире...

После вечера княжич Андрей, уже переодет-
тый в свою просушенную одежду, спустился к
воде. Розовая дорожка от заходящего солнца
легла к его ногам. И не верилось, что это кра-
сивое тихое озеро несколько часов назад бес-
новалось и едва не погубило его и ещё множе-
ство людей.

К счастью и чудом — не утонул никто. Даже со-
баки все были целы и сейчас, привязанные по-
водками к стволам прибрежных кустов, поску-
ливали или же спали, положив морды на лапы,
насытившись потрохами и мясными обрезями.

«Не место собакам на острове», — говорили мо-
нахи, отказываясь вывозить их с севшей на мель
ладьи. Князь слуги требовали спасти собак.

До самого игумена дошло, и он сказал тогда:

— Хоть собака и нечистое животное, но тоже
тварь Божья. Надо их взять. Только покрепче
привяжите на берегу...

Андрей подошёл к собакам, потрепал по хол-
ке гончака, тот поднялся, ткнулся княжичу в
ноги, в ладонь.

— Нет у меня ничего, Трезор, — сказал
мальчик.

Неподалёку горел костёр, в котле кипела уха,
запах шёл густой и вкусный.

А на камне сидел мальчишка, сын спасшего
княжича рыбака, удил рыбу.

Андрей подошёл к нему, зачем-то подпнул
носом сапога небольшой камень, спросил:

— Тебя как зовут?

Никита его давно уже заметил, но сделал
вид, что лишь сейчас услышал, обернулся, ос-
мотрел княжича так, будто ещё и думал — го-
ворить ли с ним. Сказал:

— Никита, Иванов сын. Строгалева мы, —
добавил.

— А меня Андрей... Рыбу удишь?

— Да.

— Мой отец твоего наградит, — сказал Анд-
рей, но Никита не ответил. — Дай мне попробо-
вать, — не выдержав, попросил княжич.

— Чего тут пробовать, — грубовато ответил
Никита, неторопливо вытянул лесу, сученную
из конского волоса, поправил поплавок — ку-
сок коры с воткнутым чайным пером, червя на
крючке. — На, — подал снасть Андрею.

Тот встал рядом с Никитой на большой плос-
кий камень-валун, взял уду, неумело закинул
крючок с наживкой у самого берега.

— Да ты не удил, что ли?! Дай-ка я, — Ники-
та взял удочку и закинул подальше, вернул
удилище Андрею.

И оба замерли, и замер на воде поплавок пе-
ром вверх. И будто всё в мире замерло, затихло —
и чайки, и собаки, и рыбаки у костра... И только
приплыл по светлой воде от дальнего берега звук
луды — то пастух вёл стадо в деревню...

— Тяни, Андрей! — ткнул княжича в бок Ни-
кита.

Тот дёрнул, и рыбина будто вылетела из во-
ды, сверкнула чешуёй и, сорвавшись с крюч-
ка, канула в воду.

— Эх!.. — расстроился Андрей.

— Ничего, ещё поймаешь, — не заругался на
него Никита.

Хотел насадить червя, но от костра ок-
ликнули:

— Парни, идите уху-ти хлебать!

— Пошли, — позвал Никита Андрея.

Они подошли к костру. Густо парило из сня-
того с огня котла.

— О, княжич! Не побрезгуй ущицей! — Анд-
рею протянули деревянную ложку, сунули и
кусок хлеба.

Андрей, вслед за всеми, зачерпнул варево,
подул и отправил в рот...

— Такой ухи нигде больше не отведаешь,
только тут, на Кубенском. Нельмушка-то здесь

только и водится... — говорил молодой мужик с весёлыми глазами, красивой округлой бородой, видимо, из местных кубенских рыбаков.

— Так нельма-то и у нас есть, — кто-то из белоозёров сказал.

— Нельма! — откликнулся кубенский мужик. — Нельма хороша, да нельмушка лучше. Это ж разная рыба — нельмушка-то — она небольшая, жирная... — и запел вдруг, выстукивая палочкой по деревянной ложке, озорную песню:

*Перву тоню заметали —
Нам два мерина попали,
Другу тоню заметали —
Кобыла с жеребцом попали,
Третью тоню заметали —
Нам три девушки попали...*

— Да замолчи ты, Тимоха! — прикрикнул кто-то на него. — Надо же место понимать, выгонят и с Камня-то!..

— А чего, мы ж не в церкви, — притворно обидевшись, ответил Тимоха. И тут же обратился к степенному старому рыбаку: — Дед Фома, ты про то, как обитель эта началась, обещался рассказать... Ну-ка, здесь вот сегодня и из дальнего края люди есть...

— Ежели ты мне, балабол, мешать не будешь, так и расскажу, — отвечал косматый старик.

— Расскажи, дедушка... Тихо все!.. Слушайте... — слышались голоса.

Вкруг котла сидели человек семь-восемь, были тут и люди князя Карголомского, и местные жители, застигнутые бурей в озере и нашедшие спасение на острове, были и монастырские трудники... Далее по берегу горели ещё несколько костров. В оконцах келий, затянутых пузырем либо слюдой, отблески свечей и лампад виделись. Великим множеством звёзд-свечей светилось вечное небесное паникадило...

— Мне дед рассказывал, а ему — его отец, — начал старик. — Не хошь — не слушай, а другим не мешай, — ругнул кого-то, не вовремя что-то заговорившего соседу, — и продолжил: — Было — пошёл князь Белоозерский Глеб Василькович с Белоозера на Устюг...

Понеслись голоса:

— Тот-то Глеб нынешнему Глебу Ивановичу, поди-ка, прадедом приходится...

— А может, и более, чем прадедом... Их там, князей-то, нынче потомков того Глеба — в каждом селе по Белу озеру... Вот и Глеб Иванович тоже...

— А то на Кубенском не так — по этому берегу Заозёрские князья да Бохтюжские, по тому — в Кубенском городке свой князь, в Новленском — свой...

— Так слушать-то будете ли? — совсем было обидевшись, прервал старик-рассказчик разговоры.

— Всё-всё, дедушка! Сказывай. — Далее все молчали, не перебивали рассказчика.

— Вот как из Порозобицы в Кубенское ладьи Глеба Васильковича вышли — застала их буря, да такая, что десять дён пришлось ладьям княжеским стоять у Святого Антония — это мыс, на котором и церковь Антониева, а раньше, говорят, монастырь был.

— Знаем, знаем, — закивали некоторые слушатели.

— Вот, — повысил голос дед, и все опять умолкли. — Успокоилось озеро — двинулся далее князь с дружиной. Но только на середину озера вышли — опять буря налетела. Да такая, что не чаяли и спастись. Тут-то князь Глеб и молвил, что на том берегу церковь воздвигнет, к которому вынесет их. И принесло ладьи сюда, к Камню. Ладью княжескую разбило, и он уж думал, что пришёл ему конец, но ногами в дно упёрся. Тут он и молвил: «Спас камень!» А на острове обретались уже некие чернецы, но до того бедны были, что и церкви не было, а только часовня. А день был, когда спасся князь Глеб со дружиной — Преображение Господне. И повелел князь по обету своему поставить церковь во имя Господа Бога и Спаса, честного Его Преображения. Так обитель сия основалась, а старейшество в ней князь Глеб вручил старцу Феодору. От тех пор Спас-Камень свой век ведёт.

После недолгого молчания один из рыбаков сказал:

— Не бывает у нас в Кубенском бурь по десять дён. И чтоб после бури опять буря налетела сразу же — не бывает такого.

— Не бывает, — подтвердил ещё кто-то.

— Эх вы, малoverы, у Бога всё бывает. Его святым промыслом буря устроилась, чтобы по-

том сия обитель поднялась, — сказал тут скрытый до того тенью куста монах.

Рядом с ним боярин Зубов стоял.

— Пойдём, княжич, отец зовёт тебя, — боярин Андрею сказал.

— И тебя князь и отец настоятель зовут, — сказал монах Ивану Строгалеву.

— Пусть и он идёт, — кивнул княжич на своего нового приятеля Никиту.

— Пусть, — согласился Зубов.

И они пошли в настоятельскую келью — отдаленно от монашеских келий стоящий дом вблизи храма.

Игумен Григорий и Глеб Иванович Карголомский сидели за крепким дубовым столом. Игумен — под иконой, а князь — спиной к тёплой печке, напротив окна, закрытого ставнем. В келье царил полумрак, горела свеча да лампадка перед иконой Преображения Господня — искусным списком храмовой иконы.

Разговаривали.

— Разрешилась великая княгиня Евдокия тому как полгода, нарекли младенца Василием, — говорил Григорий.

— То ведомо мне, отче. Слава Богу — послал князю Дмитрию Ивановичу наследника.

— Да, Господь взял, — напомнил об умершем во младенчестве первенце великого князя игумен, — Господь и дал. Будем молиться о здравии княжича.

— Ныне мы, белозёры, под рукой великого князя Владимирского и Московского. А вот ярославцы, — указывая на покровителей монастыря Ярославских князей, говорил князь Карголомский, — всё наособицу нороят...

— Ныне и Ярославские князья на Москву снизу вверх глядят... Не избежать того: един народ, едина вера, един и правитель будет! — сказал вдруг торжественно и глядя будто бы куда-то вдаль игумен Григорий, поднялся, повернулся к иконе, перекрестился неторопливым широким движением и поклонился.

Вслед за ним встал и перекрестился и князь. Оба сели.

Князь спросил:

— Слышал я, этим летом на Вологду святой жизни муж явился, обитель новую основал.

— Да, Димитрий-инок явился. Самого Сер-

гия, настоятеля Троицкой обители, сомолитвенник, а князя Дмитрия Ивановича кум. У села Прилуцкого на самом берегу Вологды келью поставил, и храм недавно освятили в честь Происхождения древ животворящего креста Господня. Довелось и мне на освящении быть. Пожертвование же на строительство храма великий князь Дмитрий Иванович и прислал... Великое дело вершится! — торжественно игумен сказал. Но тут же просто спросил: — Так ладишь, княже, сына за дочь князя Заозерского?

— Так, отче.

— Дело доброе! — молода она, да и твой парень ещё невелик.

— Не сей же час и венчать будем, пусть поженихаются, — усмехнулся князь.

— И то верно... Вот и породнитесь опять же белозёры с ярославцами, через это они и к Москве ближе станут.

— Да они и так ближе, — не понял князь.

— Это по-земному ближе, а по совести и по уму — пока что дальше...

...Постучал и вошёл монашек-келейник, поклонился.

— Явились, отче, — тихо сказал.

— Пусть войдут, — велел игумен, поднялся, опираясь на посох, поправил наперсный крест.

Встал и князь.

Боярин подтолкнул через порог княжича, сам вошёл, за ним, кланяясь, Иван Строгалев и Никита.

— Подойди, княжич, — сказал игумен. Мальчик подошёл, склонился, но при этом, чуть повернув голову, с улыбкой глянул на отца. И тот в ответ улыбнулся, но сразу же посуловел, свёл брови.

Григорий благословил Андрея, тот ткнулся губами в сухую костлявую руку и отшагнул к отцу.

— Подойдите, — Строгалевым сказал игумен.

Отец и сын встали перед ним, приняли благословение.

— За спасение сына пожелаю вас, — подал тут голос князь, но вдруг смутился, на боярина Зубова посмотрел. Тот пожал плечами:

— Всё угопло, господин.

— Пожалую, — повторил князь.

— Благодарю, княже, — ответил Иван.

А Никита взглянул на княжича Андрея и

фыркнул — тот сделал серьёзное постное лицо, вытянулся, но при этом как-то подал плечи вперёд и стал удивительно похож на игумена Григория.

Старший Строгалеv хотел тут же и дать сыну подзатыльника, но сдержался.

— А что, отче, не сводишь ли нас к прозорливому старцу Петру? — спросил князь Глеб игумена.

— Сходим, — согласился Григорий. Кивнул монаху-прислужнику: — Упреди старца. — И монашек бесшумно и быстро вышел из кельи.

Мимо храма в полной тишине прошли к южной оконечности острова. Тут и стояла отдельно от других избушка. Другие кельи в ряд по восточному берегу, менее подверженному натиску льда по весне, выстроены.

Стоит эта келья на сваях, будто на курьих ногах — снизу они камнями-валунами обложены.

Монашек-прислужник поднялся по узкой лестнице к низкой двери, стукнул несильно три раза. Скрипнула дверная петля, замигал в проёме огонёк лампы, и на порог, согнувшись, вышагнул старец. Монах спрыгнул на землю, а старец встал на верхнюю ступень лестницы, выпрямился, вниз не спустился. Тут луна из-за облака вышла и будто сюда, на крыльцо кельи и на людей перед нею, свет свой лила, так, что всё было видно, как при свете свечей в храме...

— Мир всем. Благослови, отче, — обратился инок Пётр к игумену.

Григорий, шевеля губами, прочертил в воздухе крест костистой рукой.

— Скажи, отец, что ждёт нас? — первым князь спросил.

— Всех нас одно ждёт... — Пётр взглянул на князя. — И тебя, княже. Но не скоро ещё...

Перевёл взгляд на Андрея:

— Будешь князем...

Князь Глеб Иванович недовольно тихо проговорил: «Это всё мы и сами знаем».

Старец же говорил уже рыбаку Ивану Строгалеvu:

— Озером живёшь, озером же и помрёшь.

Наконец и Никите Строгалеvu предрёк:

— Долог путь будет твой, отрок, но недалече уйдёшь.

Тут вдруг подал голос обычно молчащий боярин Степан Зубов:

— А меня-то что ждёт?

— Это ты у своего господина спроси, — будто бы даже с усмешкой старец ответил. И добавил: — Брат Василий вам иное скажет. — И ушёл за дверь.

А из-под кельи, из какой-то норы, между сваями устроенной, вдруг вылез и поднялся во рваном подряснике, подпоясанном верёвкой, лохматый, с широко распахнутыми глазами и то ли улыбкой, то ли оскалом человек. И при каждом его движении слышалось из-под рваной одежды позвякивание.

— Это блаженный наш Василий, — сказал игумен.

— Я вот вам камешки дам, — проговорил юродивый, протягивая чёрную от грязи ладонь, на которой лежали обычные мелкие камешки. — А детки ваши вернут. Придёт время — спасёт их камень...

— Да ведь не камень, а вера спасает, — словами игумена ответил ему князь Карголомский.

— Истинно-истинно! — Василий воскликнул и ещё ближе подошёл, протягивая камушки.

Князь отвернулся и пошёл прочь, за ним и остальные.

И только Никита взял с ладони блаженного серый ноздреватый камень...

— Отдыхайте с Богом, утренняя ранняя у нас, — сказал игумен, обращаясь ко всем и благословляя крестным знаменем.

Рыбаки на берег к лодкам пошли, где у прогоревших костров уже спали их товарищи. Князь, княжич и боярин в отведённые им гостевые покои...

А луна лила свой призрачный свет в озеро и на остров-монастырь, и звёзды безучастно глядели на спящий мир, и озёрные воды тихонько шептались с береговыми камнями...

Настоятель монастыря игумен Григорий, вернувшись в келью, прежде чем на молитвенное правило встать, ещё призвал келейника, тихого и исполнительного, из писарей бывших. Тот уже знал — пергамент, перо и чернила приготовил.

— Пиши, брат Фома, — сказал настоятель, усевшись под иконой, положив сухие ладони с длинными и будто костяными пальцами на рукоять посоха.

«И бысть на озере буря велика, и попущением Божиим разбились близь Спас-Камня лодии князя Карголомского. Он же и сын его, и бояре его, и прочие люди, спаслись, на Камне в монастыре приют нашли. И после вечери вопрошали старца Петра, судьбу пытая. Петр же ничего ясного не сказал, а сказал, что на все воля Божия. Василей же Блаженный подавал всем камень, говоря, что будет время и сей камень спасет их. Что под тем разумел он — Бог ведает...»

Григорий закончил диктовать, Фома вышел из кельи. Игумен опустился на колени пред иконой преобразившегося Христа. «По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвёл их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же его сделались белые, как свет». Так описал это великое таинство евангелист. Сие чудо и таинство, как мог, изобразил иконописец... «Почему храм и монастырь были посвящены этому событию? Почему Спасо-Преображенскими называются все островные русские монастыри? — задумывался не раз Григорий. — Теперь-то уже по старине, а изначально? Не потому ли, что остров посреди озера? Это ведь и есть гора посреди пустыни, подобие той евангельской горы, что есть это место уединения, отделения от мира и его суеты? Место молитвы, способствующей преобразению души. Ведь и мы, христиане, должны стремиться к преобразению, к Богу... Да, мы слабы, и мир с его суетой врывается и сюда, на остров спасения и преобразования... Что мы можем противопоставить этому — лишь молитву!..»

Григорий шептал слова молитвы, отгонял суетные мысли... Служка его глянул через щель в келью и отпрянул, будто осветило его что-то, и в священном ужасе растянулся он у порога кельи...

2

Рыбаки оставили остров ещё до утренней службы. Под тихий вёсельный плеск заскользили лодии к берегу.

Князь Карголомский с сыном и его люди отстояли утреню. Потом монахи и слуги под ко-

мандой Степана Зубова отправились в лодках к севшим на мель и перевернувшимся ладьям, чтобы хоть что-то ещё спасти из груза, да и сами суда надо было тащить к берегу и чинить...

А от устья реки Кубены к острову шли на вёслах две ладьи. «Князь Василий Заозерский правит», — сказал игумен Григорий, выйдя из храма и глядя в озёрную даль.

Ладьи приближались быстро и вскоре бросили якоря у восточного берега. От острова к судам побежали бойкие лодочки. И вскоре князь Василий Заозерский и князь Глеб Карголомский обнялись на каменистом берегу.

— Ну, здравствуй, княже!

— Здравствуй и ты, князь.

— Не думал, что в такую непогоду к острову пойдёте, — качая седой головой, говорил князь Заозерский, высокий, широкоплечий, со шрамом, начинавшимся на скуле и скрытым далее густой седой бородою.

— Посреди озера буря застала, ладьи разбила. Камень спас! — отвечал князь Карголомский.

— На всё воля Божья! — князь Василий повернулся к храму, глядя на крест над куполом, перекрестился.

Так говорили князья, а рядом стояли княжич Никита, игумен Григорий, слуги... Чайки с криками носились над озером, падали в воду и выныривали, и снова падали, и выныривали с рыбами в клювах...

— Пожалуйте в трапезную, господа, — пригласил игумен.

— После вечери к Уфтьюге поплывём, там сейчас охота славная, — говорил князь Заозерский.

— Людишки мои уже балаганы ладят, костры собирают... Лошади там тоже приготовлены...

— Добро, Василий Фёдорович, добро, — отвечал князь Глеб.

...Три дня и три ночи охотились князья с дружинами в устье речки Уфтьюги. Здесь, отделённое от Кубенского озера длинным пустым, заросшим ивняком и осокой островом, будто бы отдельное озеро образовалось — почти полностью заросшая камышом, с блюдцами чистой воды с белыми лилиями и жёлтыми кувшинками на них, лагуна с болотистыми берегами, густо заросшими ивняком и ольховни-

ком, а далее на высоких местах — красностволым сосняком. В воде этого озера брёвнами лежали огромные щуки, язи, будто поросята, ворочались в прибрежном иле. Да и сами сеголетние поросята-кабанчики тут же взрывали илистую землю, выискивая сладкие корешки. Выходил к воде чуткий олень. Паслись в кустовых зарослях лоси. Мелкое зверьё бесщётно обитало в тех же кустах и траве, на воде кормились утки, лебеди, гуси...

Распластавшись на толстой чешуйчатой ветви сосны, лежит, жмурясь и будто бы даже спя, рысь. Котята, четыре уже подростших детёныша, копошатся внизу, в корнях дерева, борются, отнимая друг у друга какую-то давно дочиста облоданную кость. Мать отдыхает от них, набирается сил перед ночной охотой и чутко вслушивается в посторонние опасные звуки, пока ещё в стороне от логова. Но надо быть начеку...

Трубит рог, с лаем несутся собаки, за ними — всадники. Олень бросается в воду, в три прыжка перебегает речку, но тут-то и ждёт его стрела, пробивающая горло, и, делая ещё прыжок, олень оседает, заваливается на бок и угавающим глазом смотрит на приближающихся охотников.

— Вот так выстрел, княже! — спрыгивая с коня, кричит боярин Зубов, подбегает к оленю и одним взмахом кинжала вскрывает горло зверя.

Рядом с князем его сын Андрей досадливо морщится — опять не дали ему выстрелить.

Зубов трубит в рог, и вскоре подъезжают другие охотники.

Преодолев реку, мокрые собаки рвутся к добыче, но их берут на сворки.

Со своей свитой подъезжает князь Василий Заозерский. На волокуше туша кабана-секача. На вторую волокушу кладут оленя.

— Славная добыча, — одобрительно кивает князь Глеб.

— Да и у тебя, князь, не хуже, — отвечает князь Василий.

И вся охота отправляется к стоянке на чистом высоком берегу Уфтюги, верстах в трёх от устья.

Вдоль опушки леса по луговине, заливаемой по весне водой, ехали охотники. Князя с ближними боярами впереди. Над ними от

озера к лесу, распластав крылья, проплывал ястреб. И вдруг стрела, как луч, но не с неба, а с земли пронзила его, и ястреб камнем полетел вниз.

— Есть! — воскликнул Андрей, убирая в колчан лук и ударяя каблуками смирную лошадку, которая, сперва будто не поняв, чего хотят от неё, оглянулась на седока, потом неторопливо побежала туда, куда направили.

— Ну, княжич, в батюшку пошёл, — сказал Зубов.

— Андрюшка! Попусту не стреляй больше! — отец окликнул.

— Ничего, — князь Заозерский снисходительно усмехнулся. — Рука крепкая, глаз зоркий — добрый воин будет и славный охотник, — уже серьёзно и одобрительно добавил.

Князь Карголомский ничего не ответил, но довольную улыбку не скрыла и борода.

— Следопыты, княже, нашли гнездо рысье, — сказал тут князю Василию один из охотников. — С котятами.

— А хорошо бы хоть одного живьём взять, собак натаскивать, — ответил князь.

Княжич Андрей возвращался к отцу, держа правой рукой удила, а в левой — пробитую стрелой птицу.

Отец его брови насупил опять, а в бороде — улыбка.

— Есть у меня мастер, сделает чучело, — сказал добродушно князь Заозерский. И князь Глеб кивнул, ничего не сказал сыну.

Солнце клонилось к закату, а издалека, с Кубенского, со Спас-Камня приносило колокольный гул, зовущий мнихов к вечеру...

... На мягких бесшумных лапах шла мать-рысь, стелясь по земле, востря уши с кисточками, подёргивая усами, шуря и кругля жёлтые глаза. Обходила дремавших в берёзовом подросте лосей, не приближалась к кабаньему стаду — всё это нынче не её добыча. На берегу ручья, впадающего в реку, она легла в траву и будто исчезла, растворилась. А там, в воде, шла своя жизнь — плотина уже наполовину перегородила речку, и у воды едва держалась подгрызенная осина, под ней копошился бобр, ещё несколько были в воде и на плотине... Вот, шумя, повалилось дерево в воду, и в

тот же миг — будто разжалась пружина — рысь одним прыжком вспрыгнула на загривок бобра, раздирая когтями прочную шкуру, впиваясь клыками в шею.

В это же время зорили гнездо. Огромный косматый охотник Ванька Усов тут же давил детёнышей клешнями, будто стальными, пальцами.

— Хоть ты и зверолов, а жутко смотреть, как ты... Ох... — говорил старик Тимофей Заяц.

— Ай-яй!.. — взвизгнул Ванька Усов, вытаскивавший котят из норы.

— Чего ты, Ваньша? — Тимофей спросил.

— Да укусил! Глянь-ка, чуть палец не оттяпал...

— Вот этого и возьмём живым, — Тимофей сказал.

И вдруг, будто из тьмы лесной соткавшись, а может, совсем наоборот — из лунного света, встала под деревом, закрыв нору, фигура в чёрном балахоне с белыми смертными крестами.

— Ты кто? Ты как?.. — Усов, заикаясь, пытается что-то сказать.

Тимофей Заяц онемелый стоит.

Молчит и старец, не двигается.

— Пошли, ну его! — скомандовал боярин. Охотники подхватили мешок с убитыми котятами и поспешно убрались от гнезда.

А старец склонился к норе, и мягкий тёплый комочек ткнулся ему в руки.

На подходе к гнезду учуяла рысь опасность, тушу бобра из зубов выпустила, скользя в траве, прижимаясь к земле, приблизилась к разорённому логову. Но уже не было тут для неё опасности. Не было и котят.

И страшный утробный вой-плач раздался в лесу, и испуганно встрепенулись лоси и затрусили по своей тропе к озеру. Хрюкнул огромный кабан-секач, отозвалась, поднимаясь из прибрежной грязи, свинья, запохрюкивали, тычась в живот матки, полосатые поросята, вжался в землю заяц, прикрыла морду хвостом лиса, и даже волк — старый одинокий разбойник — вздыбил от внезапного страха шерсть.

И тут вышагнул из тени старец с котёнком на руках и протянул его матери-рыси. Та мягко взяла котёнка зубами за загривок, положила перед собой на хвойную подстилку, лизнула,

подняла голову к человеку и склонилась перед ним, ткнулась круглой головой в колени. Монах-отшельник провёл ладонью по её голове, развернулся и пошёл к своей келье в дебрях на берегу лесного ручья. Сизый лесной голубь летал кругами над его головой, заяц зачем-то прыгал сбоку от него за кустами, будто проводжая, ёж уступил дорогу, а волк, склонив голову, пробежал мимо.

Рысь, подхватив снова котёнка, пошла прочь от разорённого гнезда по следу старца.

3

В Чиркове, в имение князя Заозерского давно ждали гостей. И вот гонец прискакал: к вечеру будут!

Во дворе на огромном вертеле жарились над огнём туши кабанов, готовились лосятина и оленина — всё это было отправлено в усадьбу из охотничьего лагеря заранее. Выкатывались из погребов бочонки с мёдами. Столы и скамьи готовились, гладились скатерти...

Княгиня Ефросинья за всем сама приглядывала, но и всё чаще подходила к окну, выходящему на устье Кубены, — оттуда должны княжеские ладьи появиться.

Княжна Марья в саду, где яблони и кусты малины да смороды растут, гуляет; с ней и подружка её — Василиса, года на три старше княжны.

— Говорят, что с князем Глебом Ивановичем сын приедет — Андрей, — Василиса Марье говорит и с любопытством взглядывает на девочку.

— Ну а мне-то что?.. Пошли на качели, догоняй! — и княжна, легко оттолкнув подружку, бежит к качели, путаясь в сарафане; толстая русая коса с красной лентой подпрыгивает на спине.

Василиса догоняет её уже под качелями:

— Ой, княгинюшка, и ничего-то ты ещё не понимаешь! Это ведь жениха тебе везут.

— Ну и ладно, — равнодушно отвечает княжна и встаёт на доску качели.

— Ой, да ты ж покраснела, Марьюшка! — засмеялась Василиса, встала на другой конец доски и оттолкнулась ногой.

Девушки качались, подлетая всё выше. А за яблонями в углу сада, где растёт малина,

дворовые девки собирали ягоды, и слышна была песня...

*Прошло время дорогое —
лето тёплое, весна.
Прошли летние гулянки,
не видала никого.
Только видала милова —
к себе в гости позвала.
Посулился ко мне милой
середь лета в гости быть.
Лето тепло на проходе,
всё милова в гости нет.
Видно, милой осердился,
со иной гулять ушёл.
Со иною, со другою,
со подруженькой моей.
Уж ты, Дунюша, ты, Авдотья,
супротивница моя,
супостатка ты, злодейка,
отбила дружка мово.
Ты отбила-разлучила
меня с миленьким моим...*

— Вот, Марьюшка, какие песни-то бывают! — на взлёте кричит Василиса.

— Пусть! — проваливаясь и снова взлетая, кричит княжна.

А сердце её будто останавливается и снова сильно-сильно стучит, и дух захватывает, и смеяться хочется, и почему-то вдруг слёзы подступают. И снова падение, и снова взлёт...

— Васька, ну-ка уймись! — кричит мать Василисы, боярыня Пелагея Лукина. — Княгинюшка, держись крепче! Как бы не упала-то!

И бежит Пелагея мимо качелей к малинику, где замолкла песня: не едят ли девки малину-то?..

Весь двор во главе с княгиней Евдокией встречал князей на берегу. Гостям и хлеб-соль поднесли. Андрей же с любопытством поглядывал на девчущку-княгиню, которая, ему уж напели, будет его невестой, а потом и женой. Это вот эта-то — в конопушках на носу и щеках, малявка худющая?.. А вырядилась-то — и сарафан в вышивке, и бусы, и лента красная... И он, поймав её взгляд, построил ей рожу. А она отвернулась, не смотря на него.

Отстояли вечерю в церкви святого Димитрия Солунского, потом уж в терем пошли за длинный стол сели.

Зазвучали речи заздравные-величальные, зазвенели кубки. Зашёл разговор и о долгой войне между князем Тверским Михаилом и князем Владимирским и Московским Дмитрием.

— ...Говорят, Михаил Тверской в Орду ездил, ярлык на великое княжение покупал...

— Ездил. Да перекупил его Дмитрий Иванович Московский.

— Михаил-то всё не уймётся — то к Ольгерду переметнётся да с литовцами на Русь идёт, то Рязань противу Москвы подбивает...

— Дань готовишь ли, Василий Фёдорович? — негромко спросил хозяина князь Карголомский.

— Как же! По осени в Ярославль отправим, оттуда уж — в Москву, да и в Орду...

— Да, кабы эта дань у нас-то оставалась... — обронил князь.

— Да... — соглашался хозяин.

— А ведь будет и так, чую то. Великий князь Дмитрий Иванович перед Ордой спину не гнёт. Пока что не перечит, но силу копит. Не для того он ярлык купил, чтобы Орде всё отдавать. Да и в Орде порядка нет. Мамай не по закону власть захватил. Так что своих же боится... А там, где внутри себя порядка нет, нет и силы. Царство, разделившееся в себе, не устоит — так в писании-то. Вот и нам бы сейчас, всем князьям русским, не делиться, а собираться. И идти нам надо за сильнейшим, о пользе всей русской земли радеющем — Дмитрием Ивановичем.

— Время придёт, и ярославцы пойдут за ним, — сказал князь Заозерский. Поднялся во весь свой немалый рост и провозгласил, перекрывая шум разгулявшегося застолья: — Выпьем же, братья, за землю русскую!

Во дворе загудели дудки, затрещали трещотки: кто помоложе — на улицу побежали, пляска начиналась...

Княжич Андрей незаметно выскользнул из-за стола и — во двор, в сад. Княжну Марью увидел, нос к носу столкнулся. Оба от неожиданности присели. Но Андрей первым в себя пришёл и скорчил, как он умел, смешную рожу.

Марья фыркнула и вдруг сказала:

— А не забоишься на качелях до самых макушек?..

— До каких макушек?.. Ничего я не забоюсь...

— Давай, — сказала Марья и первая на качели вскочила.

И вскоре уже взлетали они выше яблонь, и была видна река Кубена и село на другом берегу, и озеро, и белый кораблик Спас-Камня.

Когда они спустились на землю, Андрей почувствовал под собой качнувшуюся землю, будто только что из ладьи на берег вышагнул. Сказал:

— А нас Камень спас...

— Мы с матушкой тоже там были, на берегу только постояли — нельзя нам в монастырь... Матушка на коленках молилась, и я... А батюшка в церковь ходил...

— Княжна-душечка, да ты где же! — прибежала тут подружка её старшая Василиса. — Ой, да тут и княжич! — руками всплеснула.

И только наступавшие сумерки скрыли то, как покраснели уши Андрея.

— Не твоё дело! — срывающимся голосом крикнул на боярышню и даже оттолкнул её, выбежал во двор, где в это время под гудение дудок боролись на поясах парни из дружины князя Карголомского и князя Заозерского.

Князя на крыльце стояли, глядели на борцов. Бояре, слуги, дворня подбадривали «своего».

Вот, ухватившись обеими руками за кушак соперника, белозёр подсел и, резко выпрямив ноги и рванув руками, выкинул вверх и развернул так, что детина упал на всю спину.

— Молодец, Васька! — кричат ему. — Вот это сила!

Княгиня Евдокия спустилась с крыльца, пошла к княжичу Андрею и вдруг просто провела ладонью по его русой голове:

— Устал, княжич, сейчас тебе постель взобьют, — сказала.

И ему захотелось прижаться к ней, как к матери, которой уже давно нет в живых, уж и не помнит он её.

Евдокия взяла его за руку и повела в дом, в горницу. Видела она в окно, как дочка её с этим мальчишкой на качели качалась. Хотела ругнуть дочь, да и не стала.

А на другом берегу Кубенского озера, в деревеньке Бережок, в тот же вечер решалась жизнь-смерть Никитки Строгалева. Лежал он в горячке, горло обручем калёным охватило, дышал тяжело, будто кусками хватая воздух. То ли выпил после покоса ледяной воды, то ли ещё что...

С полатай и печки с пугливым любопытством смотрели на умиравшего на лавке под иконой брата две девчушки и два мальчишки.

— Что ж, матка, за попом бежать надо... — с трудом разжимая запёкшиеся губы, сказал Иван.

— Подожди, отец... Может, к Лукерье отвезём?

— Пока везём — помрёт.

— Бог даст — не помрёт. Запрягай, батька, — распорядилась Анна — жена Ивана.

Иван не возражал, он и сам не хотел верить, что умрёт его первенец, надежда и опора — Никита. Запряг лошадку, застелил дно телеги сеном, на руках вынес сына из избы, уложил. В амбар зашёл, полмешка муки взял, жена подала ещё горшок с топлёным маслом.

— С Богом, — сказала Анна.

— Обернись быстро, — ответил Иван, понукал лошадку.

Никита вроде бы усыпал спокойно, то хрипел, бормотал что-то, широко распахнув глаза, и снова будто бы усыпал.

Деревня-однодворка Косолапово была в пяти верстах вглубь от озера.

Сперва дорога вилась среди полей, на которых уже доспевал ячмень. Семейные наделы в полях разделялись выложенными в ряд валунами, которые исправно из года в год родит здешняя земля.

А за полями начинается лес — вьётся дорога мимо елок да осин. На серой дорожной пыли — волнистый след, то проползла по дороге гадюка.

Лукерья, сухая, крепкая длинноносая старуха с пронзительным взглядом, быстро осмотрев мальчика во дворе, велела отцу:

— Неси в избу!

Иван занёс сына в избу, положил на лавку, перекрестился.

— Дрова неси, — велела Лукерья, ощупывая голову и грудь больного.

Когда Иван принёс с моста и положил у печи две охапки дров, ещё приказала:

— Вон ведра, наноси воды.

Иван бегом носил воду в избу от недалёкого колодца, выливал в корыто и в бадью. Под ногами всё путалась пёстрая — трёхцветная — кошка, и один раз он чуть не упал из-за неё, рывкнул:

— Брысь отсель!

— Я те дам брысь! — старуха откликнулась. — Ходи да помалкивай. Натаскал? Вот и жди... Стой, соломы ещё две охапки притащи.

Иван послушно выполнял все указания. Старуха в это время затопила печь, раскрыла Никиту и, что-то нашёптывая, обтирала его мокрой ветошкой.

Ждать, понял Иван, придётся долго. Пока там печь истопится, пока поостынет... Что лечит старуха в печке, знали все. «Я не ворожу, не колдую, не кобенюся — я Бога молю, а тело мою», — говорила старуха Лукерья.

Иван вышел, выпряг лошадь, сводил к близкой речке, напоил. Потом на длинном поводе пустил её пастись на лугу, а сам лежал на дне телеги, но не мог уснуть — смотрел в небо, откуда мигали, подрагивая, звёзды. И молил Иван Бога, чтобы, коли есть на то воля Его, оставил ему сына. И уснул...

...И сидят они — он и сын Никитка, маленький ещё, лет пяти — в лодке... Тишь да гладь... Берег далеко... И какой-то незнакомый берег. Обернулся Иван — а и Спас-Камня не видно. Не их озеро... И в тот же миг, как он это понял, вода потемнела, потемнело и небо, вскипели пенными шапками волны, и увидел Иван, как летит прямо на их лодчонку то ли огромная чёрная птица, то ли ураган. Никитка в носу лодки на дне сидит, беды не чувствует, камешек из ладошки в ладошку перекидывает... Иван весло из уключины выдернул, встал во весь рост, ноги пошире расставил и ударом — веслом, как двуручным мечом — птицу чёрную встретил. Покачнулся, пригнулся, но не упал и весло не выронил, а птицу страшную отбросил. Птица-Ураган в высь метнулась, из тёмного поднебесья чёрной молнией на лодку пала, хо-

лодным, острым, как сабля, крылом над головой Ивана взмахнула (успел он пригнуться, уклониться), когтями едва-едва Никитку не подцепила — успел Иван разогнуться да веслом, как дубиной хорошей, птицу чёрную достать. С рёвом Ураган в небо унёсся. Вроде и волны поутихли... Иван на сына смотрит — маленький белоголовый, из-под ворота крестик на нитке выпал, а в ладошке камешек — тот, что юродивый ему дал.

— Не бойсь, Никитка!

— Не боюсь, тятя...

Тут и увидел Иван, как бежит на них волна огромная, как летит над волной птица-Ураган.

Взял тогда Иван да весло-то об колено переломил, так что острый кол у него в руках оказался, направил он своё оружие на птицу чёрную. И ударила в лодку волна, а птица чёрная грудью на кол напоролась. Гром тут загредел, вой дикий поднялся, волна лодку их захлестнула...

— Иван! — старуха с порога позвала.

Он вздрогнул, сел в телеге, мокрый весь — то ли пот его прошиб, то ли туман накрыл.

— Иди сюда-то, — опять Лукерья зовёт.

Он вылез из телеги, подошёл.

— Будет жить парень. Придёт время — попросится в монахи. Если будешь жив, не противься, его ведь Бог избрал. Это ему отдай, — подала мешочек на бечеве, в котором заветный камешек хранился. — А крест на ём... Так понял ли?

— Понял, Лукерья, понял...

Камешек-то он и велел жене в мешочек зашить да Никите на шею рядом с крестом повесить, раз уж святой человек дал.

Сжал камень в ладони и пошёл к сыну.

Миновало лето, зима и ещё лето, и ещё зима отметелила, и вновь птица-весна на Русь прилетела, принесла лето красное на крыльях, а за летом пришла и благословенная осень. И ещё круг обернулся, и ещё...

Крутится коло жизни, вертит жернова времени, перетирает людские судьбы, радости и горе, всё в муку вечности обращая...

5

В ту осень видели кубеноозёры, как шли по озеру ладьи княжьи, нарядно убранные, богатые. То увозили на Белое озеро княжну Марью, выдавали за молодого белозерского князя Андрея — исполнилось княжне о ту пору пятнадцать лет, а князю — семнадцать.

На передовой ладье с дружиной сам князь Заозёрский — единственную дочь замуж выдаёт! Старшая княгиня и её ближние боярыни — на другой ладье. Невеста княжна Мария — на третьей ладье. За ними — ещё две ладьи со слугами, приданым.

Отстояли молебен на Спас-Камне, получили благословение игумена Григория и вот держат путь на Белоозеро.

По уговору отцов — жених, князь Андрей, встретит невесту и её родителей в Белозерске, свадьбу же будут играть в родовом селе Карголоме. Там уже и терем для молодых выстроен.

Княжна Мария сидела на лавке, с ней — любимая её подружка Василиса и другие девушки. Поют песню старую.

*В езере утица дай купалася,
На берег вылезши, отряхалася,
Она своему крылышку любовалася:
— Крыло мое, крылышко, крыло сизое,
Ти будешь так сизо, как в езере было?
В езере крылышко вымывалося,
На ярком солнце высушивалося.
А в тереме Марьюшка собиралася,
Она своему личеньку любовалася:
— Лицо мое, личенько, лицо белое,
Ти будешь ты так бело, как у батюшки было?
А у батюшки личенько вымывалося,
А у свекра работой зануждалося...*

Смотрит Мария по сторонам, прощается с родным озером и берегами — когда-то ещё вернётся сюда...

Позади остался высокий берег с храмом Дмитрия Солунского и родным отцовским-материнским теремом. Позади остался Спас-Камень — будто вечная ладья, вставшая посреди озера, уцепившаяся крестом за небо. Позади — колокольня Ильинского храма в Кубенском, где бывала Марья с родителями на весёлой яр-

марке, в гостях у князя Кубенского. Отражается в озёрной воде небо, облака, как ладьи по нему плывут, качаются на воде рыбацкие лодки, родной восточный берег теперь едва виден — тёмной полосой справа, а на западном берегу видны крыши деревенек, маковки церквей... Скоро, скоро увидит княгиня своего князя суженого — и тревога, и грусть, и радость в душе её...

А Василиса новую песню заводит, и другие девушки подхватывают:

*Разливается поляя вода.
Потопляет весь широкий двор;
На дворе-то три кораблика:
Как и первый-то кораблик —
С сундуками, со укладами,
А другой-то кораблик —
Со купцами, со боярами,
А третий кораблик —
Со душою красной девицей,
Со душой Марьей-то
Васильевной!*

Плывут княжьи ладьи по синему Кубенскому озеру — плывут над озером песни свадебные, вековечные. Смотрят вслед ладьям рыбаки из своих лодчонок; ловят слова песен на берегах, затаив сердечный вздох, девки-крестьянки.

— Ты-то у меня, Никитка, жениться не надумал? — спросил, усмехаясь в бороду, Иван Строгалев сына.

Княжьи ладьи проплывали по стрежню, а они на своей тоне сеть проверяли.

Усмеяться-то Иван усмехается, а сам опасается — вдруг да сын по слову знахарки в монахи попросится?.. Он хоть знал, что есть у сына занюба, да только и ведунья зря слова не скажет.

— Я ещё, батюшка, погожу, — тоже усмехается в молодые белесые усы и бородку Никита.

Ему ли не знать, что насмотрел ему отец невесту в Перхурьево — дочь мельника, Аннушку, они ведь и так ждут, когда отцы по рукам ударят. А быть этому — по всему — через год. В этом-то году мельник Михайло Дымов старшую дочь выдаёт. В хорошую семью — в сам Кубенский городок берут Веру. Не зря же с отцом на Ильинскую ярмарку в Кубенское бывала...

А белопарусные ладьи уже растворяются в

синей дымке, уходят к устью реки Порозобицы, и только вьётся над водой песня:

*Вьют над водой, вьют над водой,
Вьют над водой расстилается.
Жених молодой, жених молодой,
Жених у ворот дожидается.
Вынесли ему, вынесли ему,
Вынесли ему сундуки полны добра.
— Это не мое, ой, это не мое,
Это не мое, а деверя мово.
Вывели ему, вывели ему,
Вывели ему ворона коня.
— Это не мое, ой, это не мое,
Это не мое, а деверя мово.
Вывели ему, вывели ему,
Вывели ему свет Марьюшку.
— Это вот мое, ой, это вот мое,
Это вот мое, Богом суженое.
Вьют над водой, вьют над водой,
Вьют над водой расстилается.
Гости у ворот, гости у ворот,
Гости у ворот собираются...*

6

И была Пасха Христова! Волна колокольного звона катилась от вологодских церквей по дороге к синему Кубенскому озеру через Прилуцкую обитель, мимо храма Василия Великого на реке Едке, через Кубенский городок с его церквами и далее от села к селу, от храма к храму до самого Белоозера. Праздничный перезвон улетал в синее Кубенское озеро, сливался с благовестом Спас-Камня и заозёрных храмов, улетал в небо и, отразившись от синего купола, возвращался в праздничный мир... Вся Русь, все берега и вотчины, грады и веси славили Воскресенье Христово. Праздничные службы вершились в крохотных сельских церковках и храмах белокаменного Московского Кремля, в Вологде и в Рязани, в Твери и на Белоозере, в Великом Устюге и в Великом Новгороде, в Ярославле и Муроме, во Владимире и Звенигороде...

... Этой весной Мамай окончательно определился с направлением удара — нет, не на Кавказ и не в заволжские степи направит летом он свои тумены. На Русь!

Уже к Троице достоверно знал великий князь Дмитрий Иванович о том, что собирает в Задонье, в родных для себя половецких степях Мамай силу грозную, изготовляется для удара, ведёт тайные переговоры с крымскими генуэзцами и Литвой.

И полетели гонцы из Москвы во все стороны со строгим наказом князьям и боярам Белозерским, Ярославским, Ростовским, Костромским, Муромским, Звенигородским, Углицким, Суздальским, Можайским. Ко всем, признававшим Дмитрия Ивановича великим князем, собирать дружины и ополчение и двигаться кому на Москву, а кому — и сразу на Серпухов.

Многие из этих князей уже познали недавно победу над татарами на Воже. Но помнили и тоже недавний разгром русской рати на реке Пьяне.

Собирались и белозёры, и кубеноозёры.

Белозерские князья под водительством старшего князя Фёдора Верейского с дружинами и ополчением двинулись на Вологду. Большая часть войска под командой боярина Степана Зубова — береговой дорогой, частью же по воде.

Те, что шли по берегу — к вечеру остановились лагерем в Кубенском городке. Князья же с ближними боярами и дружиной на Спас-Камень на молитву отправились... Туда же и ладья князя Андрея Заозерского правила. Заозерским-то он только третий год как стал, после гибели тестя князя Василия Фёдоровича Заозерского в той страшной для русских сече на реке Пьяне. Переехал с женой с Белоозера на озеро Кубенское, в устье реки Кубены, в село Чирково.

Дружину князь Андрей отправил в Кубенский городок. Простился с женой, малолетним сыном и тётцей и с ближними боярами и воинами на Спас-Камень поплыл принять благословение игумена...

Там на берегу и повстречался с князьями белозерскими — все ему сродники, все как на подбор — ладные, постарше — кряжистые, как старые боровые ели, молодые — лёгкие, упругие в движениях, все русоголовые, все в дорожной, но дорогой удобной одежде.

Князь Верейский — как старший — первым обнял Андрея Заозёрского, отстранил, держа за плечи могучими руками:

— Наша порода — белозерская!

Старый князь Карголомский, Глеб Иванович, с гордостью на сына глядел, слова князя Верейского слушал. Обнял Андрея.

А Андрей увидел, как явно постарел отец, хоть и старается молодцом держаться. Не ходит бы ему в этот поход, хватило бы и того, что его боярин Степан Зубов всем пешим войском командует. Нет, не может старый князь слаби-ну дать, когда вся Русь поднимается...

Игумен Григорий, высохший, старый, встречал князей у паперти храма Преображения Господня. Тут-то и подошёл к игумену рыбак из деревни Бережок — монастырской вотчины (ещё поутру приплыл он на Спас-Камень проситься у игумена в княжье войско).

— Благослови, отче. Жито братаны мои младшие уберут, а я хочу за Русь постоять.

И тут же вдруг появился, позвякивая невидимыми под рваной рясой веригами, блаженный Василий:

— Принёс камень? Принёс?..

И Никита полез за ворот и достал из матерчатого чехла тот самый камень — ноздреватый серый камешек, подал юродивому. Василий камешек схватил, заприплясывал, заперекидывал из ладони в ладонь, будто горячий он:

— Камешек вернулся, и ты вернёшься! — крикнул и убежал.

— Благословляю тебя, Никита, — игумен перекрестил парня, и тот прижался губами к сухой старческой длани. — Княже, вот тебе воин из монастырской вотчины, — сказал игумен князю Андрею, стоявшему с ближними боярами неподалёку.

Князь глянул на рыбака, первым шагнул к нему, распахнув объятия.

— Ну, здравствуй, брат, давненько не виделись.

— Да, княже, давно, — сказал Никита и шагнул навстречу, поклонился.

Но Андрей раскинул навстречу руки, и они коротко обнялись.

Пошли на службу в храм, где ярко и трепетно, будто тревожась, горели свечи.

— Благословляю вас, братья, на службу ратную за землю русскую! Борите проклятых агарян! С нами Бог! Кто вернётся — тому вечная слава будет, а кто не вернётся — вечная память. Победа будет за нами! Аминь! — провозгласил,

осеняя всех крестным знаменем, игумен Григорий после службы.

7

Со Спас-Камня отплыли в Кубенское.

Князь Андрей с кормы своей ладьи оглянулся на своё село. Показалось ему, что мелькнул белый плат из окна княжьего терема.

Рядом с ним стоял старик охотник Тимофей Заяц, его-то и спросил почему-то именно сейчас Андрей:

— Старик, а почему село зовётся Чирково? Не княжеское какое-то название.

— Да, князь-батюшка, тут ране-то в круг Кубена всё чудь жила да весь... Весь-то и сейчас на Белоозере сидит, а тут не стало. А когда первые-то русские люди пришли сюда, стали церкви ставить, монастыри. Первый-то монастырь, говорят, был Антониев, на мысу...

Андрей кивнул, знал этот мыс, что так и называется Святой Антоний, там и теперь храм, а монастыря давно нет.

А старик продолжал:

— Потом там, где теперь Кубенский городок, — все обернулись к уже видневшемуся Кубенскому, — Ильинскую церковь поставили. — Церковь уже видна, уже вырастает над берегом. — Потом, на Камне — Спаса Всемилостивого. А где теперь Чирково, на Лысой-то горе, Димитрия Солунского храм поставили. Говорят, потому, что от него встречь солнцу путь открывается. Он, вишь, Солунский-то, значит, солнечный...

— Так Чирково-то почему? — нетерпеливо спросил князь Андрей, ему уже наскучил долгий рассказ Тимофея Зайца.

— Почему, почему! — недовольно пробормотал старый охотник, подтянул ещё пояс, поправил ножны с охотничьим, а теперь и боевым ножом. — Так вот эта весь или чудь по-своему и говорила церкова, мол, церкова. Это про церковь-то. А получается-то — чикрова да чиркова. Вот и Чирково.

— Ну, ты наплёл, дед! — подал голос ближний гребец. Это был Ванька Усов. — Коли бы так — все бы сёла Чирково бы звали!

— За что купил, за то продаю, — Тимофей ответил. — А ты гребни, внучек, гребни.

Дружный смех прокатился от кормы ладьи к носу и обратно.

— Давай, давай, Ваня, гребки!

В Кубенском городке вблизи княжеского двора раскинулся воинский лагерь. День и ночь в походных кузнях не смолкали удары молотов: ладили кузнецы оружие и доспехи воинам — кольчуги, копья, мечи, ковали коней. Шорники шили сбруи. Опытные князьи дружинники обучали, пока было время, крестьянское воинство — строю и ратному бою.

Денно и ночью горели костры, в котлах готовились щи и каша, ибо голодный воин ничего не стоит.

Князья ожидали подхода последних отрядов из своих вотчин.

Вечером вышел Андрей Глебович из княжеского терема (Семён Кубенский все палаты под гостей отдал, дворню на волю, к войску выгнал), пошёл на холм, к Ильинской церкви.

В честь Ильи Пророка ставлена она на месте, где когда-то поклонялись ильменские словене-язычники — первопоселенцы этих мест громовержцу Перуну.

Он встал позади алтаря и смотрел на сбегавший к озеру зелёный пологий скат, на гладь озера, на тот, теперь родной, берег, ещё близкий, но и уже бесконечно далёкий. Путь к дому, к жене княгине и сыну княжичу лежит через долгий поход и битву страшную.

Он услышал позади шаги, оглянулся и увидел Никиту.

— Ты чего тут? — спросил грубовато.

— Прости, князь, не знал, что ты здесь... Вот тоже на Кубено глянуть я... Может, и в последний раз...

— Помню, помню, как отец твой спас меня... Как кутёнка за шкворень выдернул, — усмехнулся князь. — Жив отец-то?

— В прошлую зиму сеть под лёд ставили, да ветер поднялся, вот и просквозило его, чахнуть стал. Так на печи и помер. Не в воде утонул, а всё одно — Кубено взяло. Рыбаки мы...

— Ну, пойдём, Никита, — хлопнул Андрей его по плечу. — Выступаем до света.

В ту ночь, как ни строжились князья и бояре, не все воины в боевом лагере спали. Ещё на вечерней заре приткнулись к берегу лодки-ку-

бенки, приплыли к мужьям жёны из заозерья — Чиркова и ближних деревень. Приплыла — она ж других-то баб подбила — и молодая жена Ваньки Усова, Василиса. Бабёнка шустрая, ближняя подружка княгини Марьи.

Она и княгиню-то подбивала. Та, как услышала, осердилась сперва:

— Дело ратное, до баб ли им?! Ведь уж проститесь. Им к походу и битве готовиться надо, а не с бабами хороводиться.

— А то думаешь, княгиня-матушка, откажутся они похороводиться-то? — тихонько засмеялась Василиса. — Да ведь и мы-то не железные, чай. Когда теперь мужиков-то своих увидим, когда приласкаемся?..

Марья на мгновение даже задумалась, мысленно к мужу прижалась. Сказала же:

— Плывите. Я знать не знаю... Да хоть не потоните...

На двух лодках и приплыли. В стороне в травяной болотистый берег ткнулись, лодки на кочки вытащили.

— Таська, руки-то в кровь истёрла — поди, как спешила? — не утерпела и поддела подругу, что гребла на другой лодке Василиса.

— Главно, что задницу не стёрла, — в тон ей Таисья ответила.

Подбирая юбки, пробирались бабы к ближним баням, за амбаром присели вблизи избы, в окошке которой лучинный свет теплился.

Тут и парнишка на крыльцо вышел. Испугался сперва, увидев чужих баб, да Василиса его быстро успокоила — краюху в руку сунула, сказала, кого найти и позвать надо. Сели бабы в кружок под старой толстой черёмухой, стали своих мужиков ждать.

Первым Иван Усов и прибежал — не хоронился, напрямик мимо избы пёр. Тут-то дворовая собака и взлаяла, в ноги кинулась.

— Да отстань ты! Ах ты... — собачонка взвизгнула, получив пинок, залаяли собаки по соседним дворам.

— Кто тута шарится! — сивобородый старик на крыльцо вышел с батоном в руке. — Не спитесь вам, ироды, по дворам ползаете. Вот татаре-то вам покажут.

— Не ругайся, дедушка, не к тебе иду, — Ванька ответил. — Кобеля-то прибери своего, а то я с тебя за покус возьму.

— Я те возьму! Дам да добавлю, — дед ответил, но кобеля отозвал.

А к Ивану уже кинулась Василиса, повисла на шее...

В ту ночь не только из заозерья, из других деревень и сёл жёны к мужьям пришли — молва ли, сердца ли подсказали, что поутру уйдут их мужья в дальний путь. Вернутся ли?.. И кто где уж нашёл себе угол и постель: в банях, в пустых амбарах, да и под кустами... Знали, что, может, последний раз с любимыми миловались. И ночь была сухая, тёплая и звёздная. И князь Андрей Глебович, возвращаясь в княжий терем, увидел под стеной какого-то строения обнимающую пару и ничего не сказал. Подумал о своей Марье...

Едва рассеялся утренний туман — заиграли горны, застучали двери и ворота, закричали начальники и воеводы. Войско строилось и вскоре готово было в путь.

Проходили во главе с князьями конные дружины, шли пешие вой, катились телеги с припасом. Вышли из дворов кубяне, шли, держась за мужей, жёны, бежали рядом с войском ребятишки. Крики, топот, голоса, ржание, лай... И из всего этого стал сбиваться, а потом шириться, разливаться над сельской улицей, вырываться в поля и в Кубенское озеро тихий и жуткий вой... Из воя и плача свивалась песня, летела вслед уходящему войску.

*Ох-ти, мнешенько тошнешенько,
И сердечку тяжелешенько...
Ох-ти, мне, бедной горяще...
То не зорька ясная загоралася,
А то туча тёмная собиралася,
Туча тёмная, туча вражия...
Улетали ясни соколы
С тучей вражией сражатися,
Её крыльями разганивать,
Её клювами расклёвывать,
Ясно солнце в небе вызволять...
Полетела б я вослед соколу,
Птахой серой, птахой малою,
Заслонила б его своим крылом
От молоньи — грома громкого...
Ох-ти, мнешенько тошнешенько,
И сердечку тяжелешенько...
Ох-ти, мне, бедной горяще...*

Шли белозёры и кубеноозёры: через деревню Морино, через село Васильевское с весёлым прозвищем Кулемесово, на горе — деревянный храм в честь Василия Великого, а под горой — родник и речка шустрая Етка. Мимо больших и малых деревень, через Аникин лес, шли конные и пешие русские воины и к вечеру встали лагерем под стенами Спасо-Прилуцкого монастыря. Поутру, получив благословение игумена Димитрия, перешли по мосту реку Вологду, миновали город и двигались далее на Москву.

«...И в тот день благословил исполнить волю великого князя Владимирского и Московского Димитрия Ивановича, князей Белозерских и князя Заозерского, и князя Кубенского, и дружины их, и воев их. И отплывали в Кубенский городок, и тамо стояши, а о третий день пошли до обители Димитрия и далее — за Вологду. Господь да благословит их и дарует победу над безбожным Мамаем и воинством его. Аминь».

Так говорил игумен Спасо-Каменного монастыря Григорий, а за ним записал безгласый чернец.

Игумен стал молиться, а монашек огрызком гусяного пера скорописью добавил: «И были дни и ночи тихие, Кубено — спокойное. И был будто мир, но не было мира, и был будто покой, но не было покоя. И молились мы, мнихи бедные, о том, чтобы побольше вернулось живыми тех, кто ушли. Услыши нас, Господи».

8

Через Вологду и Ярославль шли к Москве пешие и конные — поспешали. Шли белозеры, вологжане, ярославцы, костромичи, ростовчане. Часть войска собиралась в Москве, часть в обход Москвы разными дорогами двигалась сразу на Коломну, где был объявлен общий сбор войску. Там ожидал великого князя и его двоюродный брат Владимир Андреевич, князь Серпуховский и Боровский.

В канун выезда из Москвы Дмитрий Иванович с князьями, уже бывшими при нём, и ближними воеводами поехал в Троицкую обитель к игумену Сергию, получил благословение на битву и двух иноков-воинов — Пересвета и

Ослабю. На следующий день выехали в Коломну. Туда всё прибывали и прибывали войска. Сила по тем временам собралась невиданная — до двухсот тысяч войска.

Военное столкновение было неизбежно. Всё же великий князь Дмитрий Иванович посредством тайных переговоров предпринял ещё одну попытку договора с Мамаем — откупиться богатыми дарами и далее платить, как уже сложилось, необременительную дань. Мамай настаивал на прежней дани — десятой доле всех доходов государства.

Оставалось решить, где принять бой, — ожидать ли врага на своей земле, идти ли встречать ему. Разведка доносила, что основные силы Мамаева сосредоточивались за Доном на реке Красивой Мечи. Наступать Мамаем не спешил, ожидая подхода на Дон войск союзников — Рязанского князя Олега и великого князя Литовского Ягайлы. В Русь он хотел вступить осенью, когда поспеют и будут убраны хлеба, чтобы прокормить войско.

Главные силы русского войска из Коломны двинулись вдоль Оки на Каширу и, миновав её, двадцать шестого августа переправились через Оку в земли Рязанского княжества. Олег Рязанский, не ожидавший столь быстрого и смелого движения войска Дмитрия Ивановича, заметался, отослал гонцов к Мамаю и Ягайле, подтверждая свою верность союзу с ними, сам же бежал из Рязани с ближней дружиной, и никто не знал, где он. Впрочем, Дмитрий дал строгий приказ — земли рязанские не зорить.

Ещё в Коломне великий князь приказал тайно собрать из всех прибывших дружин и отрядов самых ловких, опытных, сведущих в разведке воинов. И ещё было обязательное условие, чтобы были эти воины хорошими плотниками. Князь Андрей Заозерский неохотно, но направил в тот отряд двух своих ловких, опытных следопытов — Ваньку Усова и Тимофея Зайца.

Тимофей, хоть уже старик — на пятый десяток счёт годов пошёл, а далеко не всякий молодой с ним в борьбе или драке совладеет, а уж в знании примет, в умении бесшумно передвигаться, управлять конём, стрелять из лука, метать ножравных ему и в этом отряде из пяти десятков

лучших молодцов мало было. Ну, Ванька Усов разве что порезвее его был, удалством брал. И были они уже много лет неразлучны. Плотницкие топоры тоже в руках надёжно держали.

Отряд под командой московского боярина Фрола Куделина раньше всего войска в ночь переплыл с конями Оку и устремился, минуя деревни и сёла, западной окраиной Рязанской земли на юг, к Дону. Рядом с боярином стремя в стремя ехал проводник из местных — Колша Рязанец, человек бывалый и, что называется, «себе на уме», — бывший дружинник Рязанского князя, давно уже к москвичам переметнувшийся — а почему, о том, кому надо было, ведали.

Шли и ночью, и днём, лишь на два-три часа, выставив сторожу, валились в траву в перелеске, на берегу какой-нибудь глухой речки.

В полдень, миновав безлесый, долгий, пологий на степь луг, перешли, заодно напоив коней, мелководную речку и, въехав в дубраву, сделали привал. Коней, не рассёдывая, привязали к деревьям.

Заяц и Усов на пару в сторожу пошли. Они устроили свой пост на южной окраине дубравы. Ещё три пары сторожей по сторонам разошлись. Через пару часов их сменят, тоже дадут поспать. А сейчас главное — самим не уснуть.

Впереди опять голая ковыльная степь, зелёные волны качаются ветром. Но левее, далеко на холме виднеется маковка колокольни и крытые соломой дома — не избы, хаты.

— Как они без леса живут? — негромко Усов сказал, приминая траву под огромным старым дубом, усаживаясь спиной к стволу, прилаживая рядом лук и колчан со стрелами.

— В ранешние годы и здесь знатные леса были, я слышал от стариков...

— Ну, ты всё слышал...

— От самого Киева до Ростова леса дремучие стояли. Да и сейчас ещё есть леса-ти...

— Вот это, что ли, лес?..

— Это перелесок... Хотя повдоль ручья-то он ведь поди-ка далеко растёт, края-то мы не видели.

— Разве это лес?.. — своё тянул Усов. — Тут и зверя-то нет...

Тимофей не ответил, приложил к губам твёрдый, как сучок, палец. Усов замолк, к рукояти засапожного ножа потянулся.

Старик кивнул, и Ванька увидел под соседним дубом на полянке, пёстрой от солнечных пятен и подвижных теней, мирное кабанье семейство: здоровенный секач, будто старающийся повалить дуб, рылся в самых корнях дерева, свинья, похрюкивая, взрывала подгнившую палую листву, и с десятков полосатых поросят, толкавшихся вокруг матери.

Оба охотника уже стояли, укрывшись за толстый ствол, у обоих в руках были ножи.

Секач поднял рыло, показав жёлтые, большие и острые, как ножи, клыки. Хрюкнул и засеменял в глубь дубравы, всё стадо двинулось за ним. Один только поросёнок задержался, потом, прихрамывая, побежал за остальными, но сделал не более трёх шажков. Тёмной молнией метнулась сверху, с ветви того дуба, под которым стояли разведчики, тень, обратившаяся тёмно-серой большой кошкой. Поросёнок не успел и взвизгнуть под ударом страшной когтистой лапы, как уже был в зубах рыси. Свинья только обернулась, хрюкнула, подгоняя поросят, и побежала вслед за секачом.

А рысь, взглянув круглыми жёлтыми глазами на охотников, не выпуская из зубов добычу, на бесшумных лапах ушла в дубраву, скрылась в орешнике.

— Аж мураши по спине пробежали, — засовывая нож за сапог и перекидывая через плечо ремень колчана, говорил негромко Ванька Усов. — И откуда она здесь?.. Помнишь, рысят-то мы на Уфтюге взяли?..

— Молчи, Ванька, — только успел сказать Тимофей.

Прямо из-под тёмных дубовых сводов, из кустовой чащобы выехал человек в полном боевом облачении — в шлеме, в кольчуге, поверх которой ещё крепились металлические пластины на груди, с мечом у левого бедра.

Нож звякнул в пластину и отскочил в траву.

А справа и слева от разведчиков из кустов и травы поднимались ещё пешие воины:

— Мы свои, русские, — подняв миролюбиво правую руку, громко, не тая голоса, сказал всадник. — Лучше бы нам не шуметь: тут и литовцы, и татары шаряются, места граничные, — спрыгнув с коня и подходя ближе, говорил коренастый русобородый человек.

— Русские тоже не всегда свои бывают, — Тимофей Заяц ответил.

— Мы с миром к вам. С начальным вашим надобно переговорить...

— Ежели тут останетесь, мы до своих сходим и сюда приведём.

— Ты иди, — кивнул бородач, — а ты с нами останься; к Ивану обратился: — Нож ловко метнул, а всё ж не попал, выше надо было брать.

— Надо было, да что ж теперь...

— Так иди... — кивнул Тимофею. — Там у вас проводником Николай Федотыч, так передай ему поклон от Лексея Федотыча, от меня...

Тимофей на Ваньку глянул, кивнул и сделал несколько шагов и будто растворился в травяной и кустовой зелени.

— Так вы рязанцы, значит, — Иван с пешими разговор завёл, были это всё молодые парни (пятеро). — У вас, значит, в Рязани, продают грибы с глазами?..

— Ага, и в рот они прыгают сами, — в тон ему ответил улыбочивый парнишка. Он снял шлем, присел под дубом. — А ты-то откуда будешь?

— А мы вологодские, на топорах спим, с ножами ходим.

— То-то ты с пяти шагов не в горло, а в броню нож-то кинул...

— А хошь ещё попробую? — и Усов неожиданно выхватил левой рукой из-за левого голенища короткий ножик, воины отпрянули от него, схватившись за рукояти мечей.

— Тихо! — поднял руку старший.

Все замерли, и стал слышен стук копыт о корни деревьев, звуки раздвигаемых ветвей. Из чащи выехали двое конных — Фрол Куделин и Колша Рязанец. И в это же время вышли из кустов, поднялись из травы, вышагнули из-за дубовых стволов московские воины со взведёнными луками, навели их на рязанцев.

Колша — он же Николай Федотович — тут же с коня спрыгнул, встречу Лексею Федотычу пошёл:

— Ну, здорово, брат!

— Здорово!

Они обнялись.

А вскоре московский боярин Куделин и рязанский боярин Кобылин негромко переговаривались, отъехав на конях в сторону.

Переговорив, пожали руки:

— Будь так, боярин.

— Будь так...

Вскоре же Алексей Федотович Кобылин, тайный посланник рязанского князя Олега, в сопровождении пяти московских воинов да пяти рязанских спешно скакал в сторону войска Дмитрия Ивановича с тайной грамотой, в которой писано было и княжьей печатью заверено, что Олег со своим войском на стороне Мамаю не выступит.

— Как же вы, такие бывалые охотники да разведчики, дали себя врасплох-то взять? — спрашивали у кубеноозёров товарищи.

— Дак кошка нас эта... рысь... смутила, — простосердечно отвечал старик Тимофей Заяц.

— Я их давно услышал и увидел сразу, — по-своему говорил Ванька Усов. — Если б я хотел, не в панцирь бы, а прямо в глаз этому Лексею нож-от засадил. А так — только острожил, вижу же, что наши, русские...

— Русские-то русские, да разбери-ка, наши ли не наши, — сказал кто-то.

И отряд скакал и скакал через степь и перелески, минуя овраги и речушки. К вечеру следующего дня вышли к большой реке.

— Дон, — сказал Колша Рязанец.

В ночь несколько воинов во главе с самим Фролом Куделиным бродом перешли Дон и встретились с разведчиками, которые шли вблизи орды от самых половецких степей, отправляя сведения о передвижении орды с гонцами к великому князю.

— На Красивой Мечи стоит, Олега и Ягайлу ждёт, — сказал о Мамае начальник отряда разведчиков Михайла Кузовлёв, одетый по-татарски, к тому же скуластый и правда похожий на татарина.

— Ну, пусть ждёт, — усмехнулся Куделин. — Брод держите, если что, — добавил.

Сам же вернулся к своему отряду, и в ту же ночь, не слезая с седел, поднялись они выше по Дону, миновали устье Непрядвы и там, вдали уже и от татарского стана, и от возможной разведки, взялись за топоры — валили деревья, вязали, сплачивали плоты, которые в нужное время и стали мостами для русского войска.

Шестого сентября русское войско вышло на берег Дона. Здесь вновь великий князь держал совет с князьями и воеводами — ожидать ли врага на этом берегу, переправляться ли через Дон?.. Окончательное решение было принято после того, как разведчики доложили о том, что Мамай ожидает подхода войска Ягайлы и Олега Рязанского. При этом уже было известно, что рязанцы в помощь Мамаю не пойдут. Было принято решение наступать, упреждая соединение Мамаю и Ягайлы. Все сомнения отпали, когда в тот же день великому князю было доставлено послание игумена Троицкой обители Сергия, в котором были слова: «Смело иди вперёд, ты победишь».

Седьмого сентября русское войско переправилось через Дон по трём наплавным мостам и остановилось на берегу речки Непрядвы. Засадный полк пересёк Дон бродом.

В поле, в междуречье Непрядвы и Дона, называемом Куликовым, и состоялось восьмого сентября, в день Рождества Богородицы, сражение, известное с того времени как Куликовская битва или Мамаево побоище.

Войско Мамаю было разбито. Мамай бежал в Крым, где собрал новое большое войско. Но на Куликовом поле погиб провозглашённый им ханом Мухаммед Булак. Без законного хана-чингизида власть Мамаю потеряла даже видимость законности, а наступавший с востока Тохтамыш был прямым потомком Чингисхана. В 1381 году близ Днепровских порогов состоялась битва между войсками Мамаю и Тохтамыша. Мамай был разгромлен и с остатками верных ему сподвижников бежал в Крым. Он направился в генуэзскую колонию Кафу (в Феодосию), где имел давние связи и политическую поддержку, но его даже не пустили в город. Вскоре он был схвачен сторонниками Тохтамыша и убит. Ставший ханом объединённой Орды Тохтамыш в 1382 году совершил поход на Русь, в ходе которого Москва была захвачена (великий князь вынужден был оставить свою столицу) и сожжена дотла. Подчинение Руси власти ордынских ханов и плата дани продолжались ещё без малого век...

9

Над Кубенским озером, над мирными его берегами собиралась ночь. Мир утихал, на темнеющем небе выступали звёзды.

Чуть шелестит сухой камыш, прибрежные кусты голы, поля в серой стерне, на лугах уставлены стога сена. Пришло благословенное время, когда убран урожай и люди могут передохнуть от яркой страды, звери готовятся к зиме — линяют, наедают жир, рыба, уже полусонная, ищет глубокие места, но ещё и кормится на мелкоте.

Никита Строгалев впервые после возвращения остатков дружины на родину вышел к озеру, с ним рыжеволосый парнишка лет пятнадцати — младший брат.

— Ну, помогай, Егорша, мне теперь тяжело управляться.

Правая рука Никиты изуродована — два пальца напрочь татарской саблей отрублены, остались большой, средний и указательный. И лоб наискось пересекает синий уродливый шрам, едва не касаясь левого глаза.

Столкнули на воду лодку, на носу которой прикреплена металлическая рогатка — «коза». Егор усердно грёб, Никита подсказывал:

— Давай вон к тому мыску, там сейчас должна стоять рыба. Не спеши, не плюхай...

В самом узком месте озеро переплыли. Вышли на берег, в последнем свете вечерней зари насобирали и сложили в костёр сушняк и снова вошли в лодку. На «рога» «козы» положили свернутую трубкой бересту с пучком сухой травы внутри и пару щепок. Никита чиркнул огнём. Занялась трава, от неё — береста и щепы. Огонь высветил воду у носа лодки до дна. И вот она — застывшая бревном рыбина. Щука.

Никита поднялся, занёс крепко зажатую трёхпалой клешней острогу над головой, напрягся, как взведённая тетива. И ударил. Почувствовал, как входит железное жало в тугую живую плоть. И двумя руками вымахнул из воды бьющую хвостом, разевающую мелкозубую острую пасть рыбину, опустил на дно лодки. Егорша своё дело знает — ловкой дубинкой рубанул щуку по голове, успокоил. И снова тишь да гладь, да звёзды, да огонёк берёсты на «козе», да дёттевый запахок... До следующей добычи.

Добыв несколько щук, они пристали к берегу, разожгли костёр. В свете огня Никита быстро разделал одну рыбину, порезал на куски, бросил в котёл, туда же отправил две целиковых луковицы, щепоть соли. Остальная рыба лежала на дне лодки в мокром дерюжном мешке.

И вот котёл с ухой подостыл в траве. Сели братья у костра на две валежинки, так что и спереди не жгло, и сзади не холодило, покростили в уху печённый матерью хлеб, жадно вытягивая рыбный и хлебный запах. Перекрестились в сторону Спас-Камня, и — Никита — первым, а за ним и Егор, — опустили деревянные ложки в хлебово.

И когда уже сыто полулежали на подложенных армячишках, отмахивая комаров, младший брат попросил старшего:

— Никита, расскажи хоть, как там было-то, на поле том...

— На Куликовом, — подсказал старший. Помолчал и сказал: — Страшно было, Егорша. Страшно... Сначала страшно, а потом будто бы человеком быть перестаёшь. И это уже навсегда. Правильно поп и епитимью наложил — убивцы мы все...

Егорша притих испуганно. Никита посмотрел мимо костра: дальше по берегу тоже огонёк светился — тоже, наверное, рыбаки. А кто больше? Время краткое, предсенокосное... Скоро, скоро начнётся: застучат бруски, засвистят косы. Травы сей год добрые. А там и рожь, и ячмень убирать пора... Вот уберут, уберётся и он, Никита, из этого мира, умрёт для мира, в чернецы уйдёт на Спас-Камень...

— Ну, всё же вы не по своей воле убивали, — подал наконец голос младший брат.

— Это верно. Хотя я в войско-то сам попросился, и благословил меня игумен Григорий, — вспомнил он и обернулся в сторону озера и монастыря, невидимых в черноте ночи. — Понимали же, что землю русскую защищаем... Сколько терпеть-то... Ну, пришли мы на поле то. Ночь тоже звёздная была, тёмная, а с той стороны, где орда стояла, будто зарево: костры жгут.

Мы без костров лежали — не велено было. Вот лежу, на звёзды смотрю да Богу молюсь. Тут подъехал наш князь Заозерский, с ним ещё витязь, а за ним несколько дружинников, все в

дорогих доспехах. Мы поднялись, своему князю и остальным кланяемся. Тут второй-то, а это сам Димитрий Иванович и был, я его раньше-то и не видел. Вот он и говорит: «Не кланяйтесь, братья. Завтра вместе нам в землю лечь либо врага победить. Постоим за землю русскую». И дальше поехали. Наш-то князь меня в темноте не узнал, а мы с ним старые знакомцы-ти были... Я вот тогда и вспомнил чего-то, как учил его здесь, на Кубенском, уду забрасывать. Было дело... Будто не перед битвой, не в далёком краю, а вот тут, дома, на берегу, как всё привиделось — тятю вспомнил, тебя вот тоже... Ну, лежал я, лежал, да и уснул. Только уснул — подъём. Встали, в доспехи облачились. У меня и шелом был, и кольчуга. Нож боевой — чуть помене меча, да нож засапожный, да рогатина с наконечником кованым.

А туман такой, что за два шага ничего не видеть, только слышны голоса да топот копыт где-то впереди. Ну а мы где лежали, тут и встали. Мы в полку левой руки были, чего там посередке да впереди — не больно видно. Туман рассеивается, открывается поле, впереди нас, правее — конные, это сторожевой полк был, за ним — передовой. Там княжий стяг — червонный, и по ему лик Господень, золотом шитый... А прямо перед нами, только далеко, почти не видно, — татарская конница. Пики торчат...

Стоим плечо к плечу. Долго там, впереди, чего-то делалось, а нам не видно. А солнышко уж совсем поднялось, в левый глаз светит. Там слева-то лес был, дубрава, но далековато — тени не давал...

Никита прервал рассказ, поправил костёр, подкинул ещё сушняку. Костёр взметнулся сначала искрами, взлетевшими в чёрное небо и будто превратившимися в звёзды, потом вскинулся языками огня.

— Спишь, Егорша? — спросил старший брат.

— Не-а, рассказывай, — преодолевая сон, ответил младший.

— Потом видим, как будто туча взметнулась и на сторожевой полк пролилась — это стрелы, и потом там конница столкнулась, сеча началась, а мы всё ещё стоим. И вдруг на нас тоже туча — стрелы. Щитами закрылись. А стрелы-ти сверху падают, будто камня вострые,

по шиту бьют. Столько стрел, что щит сразу тяжёлым стал... А вперёд-то глянул — а уже на нас несутся. Тут все мы — весь ряд наш — рогатинами ошетинился. Встал крепче, присел чуть, щит перед собой кинул, рогатину в землю упёр — всё как учили нас, да долго ли учили-то, да и учёба одно, а бой другое... Ну, тогда разве про это думалось. Он уж вот летит на меня. И разом стук и треск, и крики. Я только чувствую, что рогатина в живую плоть воткнулась, это конь грудью налетел, татарин — это я видел — с коня-то так вперёд и полетел, его там второй ряд наш на копыя принял. А надо мной уж другой татарин, лошадь скалится, татарин скалится, я под брюхо нырнул, нож в брюхо воткнул, еле успел увернуться, а меня уж другие копыта топчут, аж слышно, как рёбра хрустят, и не поймёшь — свои али чужие... А я опять куда-то ножом тычу, уже коротким, засапожным, по шелому мне будто град бьёт — а это сабли татарские, кольчуга тоже пока удары держит. А я уж на коленях стою, и передо мной-то так же на коленях татарин, с коня упал, вокруг-от люди да кони лежат, крик, стон, и мы на коленях, и в глаза друг другу. Он лысый, глаза вытаращил, встать хочет, а не может. У него сабля, а у меня-то нож короткий. И шлем у меня уже слетел, ремень, видно, перерубили. Он саблей-то махнул, я уклонился, только задело чуть — вот шрам-от, на плечо сабля слетела — кольчужка выдержала. Тут я кинулся и ножик-то ему прямо в горло всадил. Кровь-от так и прыснула, солёная кровь-от...

Тут Никита понял, что он уже, как тогда в битве, стоит на коленях и повторяет движениями всё, что говорит. И увидел, что брат его испуганно сжался. Опустил руки, сел.

— А потом не знаю... копытом, поди, по затылку — и всё... Очнулся, уж когда ходили наши живых среди мёртвых искали. Меня-то за мёртвого сперва приняли, прошли уж, да я застонал... Потом — ничего, очухался, сам уже ходил, живых искал. Там и великого князя нашли... не я, другие... Одолели Мамаю. Только я-то чего... Я поди-ка лошадей больше убил, чем татар... А тоже ведь тварь божия... А сколько там полегло!.. ох, сколько!..

Среди тех, кто полегли, были и славные охотники Иван Усов и Тимофей Заяц, боярые

мужи Степан Зубов и Фрол Куделин, и старый князь Карголоумский, и сын его князь Андрей Заозерский, и все князья Белозерские, и ещё многие тысячи русских людей. И тысячи тех, кто пришли ордой на Русь в желании наживы, с жаждой крови.

Все лежали на этом поле — кони и люди, мёртвые и ещё живые, умирающие от ран, жажды, удушья под кучами трупов.

— Ещё два дня мы своих хоронили, оружие собирали, раненых. На второй-то день на нас литовцы и выскочили. Они, вишь, к Мамаю на подмогу шли, да опоздали. А наши главные силы уж ушли, великий князь ушёл... А мы задержались, ну и тут опять сеча была. Опять глаза в глаза... И ведь с кем!.. с русскими!.. Они, литовцы-то те, русские же люди оказались... Один падает, а у него из-под рубахи-то крест вот такой, как у меня, выпадает, а я его ещё — мечом... Меч я себе, вишь, у кого-то из мёртвых взял. А он ещё «ох, мати!» говорит... Так и сказал... А я едва от другого меча своим мечом прикрыться успел. Вот уж тут мне и отрубили, — он выставил перед собой покалеченную руку. — Вот будто вместе с этими пакшами часть души отрубили... Вот как было, Егорша, — сник Никита, и впервые с того времени, как вернулся он на родное Кубено, покатились из глаз его слёзы.

Он, как вернулся домой, и говорить-то толком не мог: «да», «нет»... Матери только велел, чтоб сходила к мельнику-то, сказала, чтоб сватов не ждали. Мать всплакнула да покорилась.

Егорша вскоре успокоился, уснул. А Никита ещё сидел у затухающего костра, смотрел на розовые, подёрнутые уж пеплом угли.

И вышел тут к нему старец — фигура в чёрном балахоне с белыми смертными крестами:

— Мёртвые смертью за землю русскую грех убийства искупили, а тебе — жизнью испустать...

...Лодия по озеру плывёт, а с неба, из серой тучки, сыплет на чёрную воду белый снег. Снежинки касаются воды и исчезают.

Никита вышел на каменистый берег, подтянул лодку. Тут к нему, позвякивая веригами, и подбежал юродивый, ладонь тянет, а на ней — серый ноздреватый камешек.

— Привёл камешек, привёл!..

Никита понялся, чтобы взять камень, но юродивый отдернул руку, отступил на шаг и, размахнувшись, бросил его далеко в воду.

— Больше не надобен. Теперь крест понесёшь...

Дмитрий Анатольевич ЕРМАКОВ

родился в 1969 году в Вологде.

Прозаик, пишет рассказы, повести, романы.

Автор более десятка книг.

Публиковался в журналах «Наш современник»,

«Подъём», «Москва» и других.

В журнале «Север» публикуется с 2003 года.

Отдельные произведения переведены на финский, немецкий, арабский и китайский языки.

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» (2006),

дипломант конкурса детской литературы им. А. Толстого (2012),

награжден международной литературной премией «Югра» (2012)

и другими.

Член Союза писателей России.

